

ДЭВИД ЛЕЙН,
профессор Кембриджского университета,
Великобритания

Динамика регионального неравенства в Российской Федерации: циркуляционная и кумулятивная причинность

Аннотация

Все большая пространственная дифференциация представляет собой одну из главных особенностей капитализма с присущей ему конкуренцией. Речь идет о богатых столичных регионах, которые обеспечиваются благодаря развитию отраслей промышленности и укреплению правления, и упадке сельскохозяйственных регионов и мест локализации сельских и традиционных отраслей производства.

В статье продемонстрировано, что особенно интенсивно это происходило в Российской Федерации в результате перехода к рыночной экономике; районы с весомыми материальными и человеческими ресурсами демонстрировали рост, тогда как бедные районы становились все более отсталыми. Введенные политиками преобразования основывались на опыте плановой экономики и опирались на мнение о том, что капиталистическая система имеет свои законы саморегуляции и предполагает действие обратной связи. Движение в одном направлении обуславливает контрдвижения, делающие возможным балансирование. В статье, напротив, показано, что прямые иностранные инвестиции неизменно направляются в более развитые регионы и что эмиграция и безработица являются необратимыми процессами: своеобразный круговорот и констелляция причин определяют капиталистическую сущность рынков. Однобокость изменений должна приводить к процессам, которые будут только усиливать эти тенденции: богатство и бедность районов будут нарастать в геометрической прогрессии, а разрыв между ними будет увеличиваться. Вывод заключается в том, что рыночные механизмы не в состоянии помешать очерченным тенденциям. Только путем комплексного государственного регулирования можно достичь большего равенства между регионами.

Ключевые слова: Российская Федерация, региональное распределение неравенств, административное/рыночное регулирование, циркуляционные и кумулятивные факторы

Национальные и региональные неравенства

В Советском Союзе различия в пределах регионов и между ними были объектом административного регулирования с целью уменьшения этих различий. Такая политика, осуществлявшаяся в административном порядке, могла быть реализована без существенных экономических потерь, которые бы ей препятствовали. Хотя в Советском Союзе политика имела своей целью административным путем минимизировать неравенство природных, социальных и культурных условий, все равно имелись существенные различия. Доходы распределялись неравномерно между географическими регионами. Если в среднем по Российской Федерации в 1985 году доходы составляли 142 рубля в месяц, то в Магадане — более 300 рублей, на Сахалине — 228 рублей, в Москве — 195 рублей; а на другом конце шкалы находились Волгоград — 126, Башкортостан — 119 и Дагестан — 81 рубль¹. Политика доходов руководствовалась разными критериями, которые здесь не имеет смысла детализировать. На различия влияли такие факторы, как тяжелая или опасная работа, а также суровые климатические условия в регионе. Данные об уровнях бедности недоступны, однако различия в показателях смертности новорожденных указывают на неравенство между областями: в 1985 году в России средний показатель смертности новорожденных составлял 20,7 на тысячу рождений, более высокие показатели были в Республике Тыва — 44,4; Дагестане — 31,8; Бурятии — 26,8; а на другом конце шкалы находились Кострома — 18,6; Сахалин — 17,9; Магадан — 17,3; Татарстан — 15,4². Неодинаковые природные, социальные и культурные условия в различных местностях не подчинялись административным мерам, хотя, разумеется, региональные неравенства были намного меньшими по сравнению с ситуацией в развитых капиталистических странах с рыночной экономикой.

Последствия рыночных отношений и капиталистической конкуренции не только сказались на формах неравенства, но и значительно усилили ее проявление как между регионами, так и внутри их. Рассмотрим показатели доходов и безработицы. В распределении доходов стало гораздо больше неравенств. От Советского Союза был «унаследован» коэффициент распределения доходов Джини 0,26 на 1991 год, что соответствовало уровням западных социал-демократических стран, таких как Дания. К 2012 году коэффициент увеличился до 0,420, что можно сравнить с наиболее неравноправными капиталистическими обществами³. Как показано на рисунке 1, основные изменения произошли в начале 1990-х годов, а начиная с 2000-го неравенство продолжало расти, хотя и медленнее и почти незаметно в период между 2010 и 2012 годами.

1 См.: Регионы России, 1997 г. — М.: Госкомстат, 1997. — Т. 1. — С. 454–456.

2 См.: Там же. — С. 402–404.

3 См.: Регионы России, 2012 г. (www.gks.ru); см. также: Российский статистический ежегодник. — М.: Госкомстат России, 1998. Коэффициент Джини относительно распределения доходов: индекс 0 указывает на абсолютно равное распределение, 1 — распределение, при котором господствующие группы присваивают весь доход. Таким образом, чем ниже индекс, тем больше равенство и наоборот — чем выше индекс, тем больше неравенство.

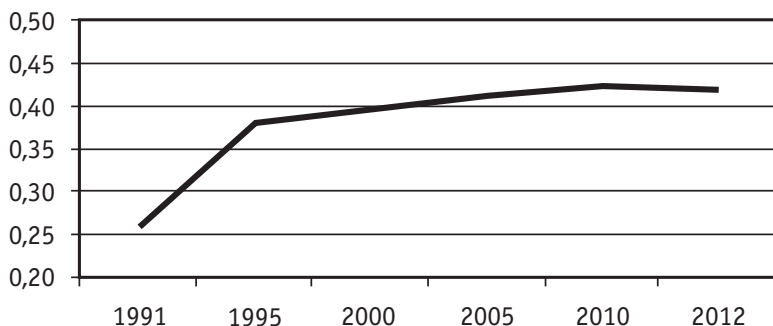

Рис. 1. Коэффициент Джини, Российская Федерация, 1991–2012

Источник: Российский статистический ежегодник. — М.: Госкомстат России, 2012. — С. 242.

Крайне неравномерное распределение можно проиллюстрировать, сравнив удельный вес доходов, полученных 20% самых обеспеченных реципиентов, с удельным весом доходов 20% самых бедных. В 1991 году на верхний квинтель получателей доходов приходилось 30,7% от валового показателя, в 2010-м их доля возросла до 47,7%, а в 2012-м наблюдалось небольшое падение до 47,6%; в то же время на противоположном конце шкалы в 1991 году на нижний квинтель приходилось 11,9% от валового объема, а к началу 2012 года доля их снизилась до 5,2%. Показатели благосостояния возрастали за счет богатых: в период между 1991 и 2011 годами денежные доходы удвоились для высшего квинтеля, тогда как на низший приходилось всего 56% от уровня 1991 года¹. Со временем эта дифференциация не уменьшалась, продолжая изменяться по восходящей траектории. Если детализировать эти тенденции по регионам, увидим определенные параллели, а также усиливающие их региональные диспаритеты.

На рисунке 2 показаны различия в уровнях ежемесячного дохода в 2011 году в отдельных регионах: Москва занимала, разумеется, самое высокое место с показателем 47 319 рублей в среднем, а Калмыкия находилась на противоположном конце шкалы с показателем всего 8829 рублей в среднем и со значительным увеличением диапазона доходов по сравнению с 1985 годом. В среднем по Российской Федерации показатель составлял чуть больше 20 тыс. рублей. Эти данные четко показывают существенные региональные неравенства.

За этими средними показателями доходов стоит глубокое социальное неравенство в регионах, имеющих разные доли богатых и бедных. В 2011 году в Российской Федерации в целом верхний квинтель получал 47,4% от валового дохода, а нижний — 5,2%. Как видно на рисунке 3, Москва — это не только самый богатый регион, но и отличающийся самым большим неравенством: на верхний квинтель там приходилось 55,1% от доходов всего города. И хотя в этом источнике нет соответствующих данных, очевидно, что на два верхних процента приходилась еще большая доля от общего объема поступлений. В то же время нижний квинтель получил мизерные 3,8%. То

¹ Овчарова Л., Попова Д. Доходы и затраты российских домохозяйств // Мир России. — 2013. — № 3. — Т. 22. — С. 16.

есть если Москва бесспорно была одним из самых богатых регионов, ее беднейшие слои получали пропорционально даже меньше среднего показателя по России. Динамика в беднейших регионах не слишком определенная, хотя в целом картина аналогичная и коэффициент Джини является универсально высоким. В частности Волгоград и Кострома, где наблюдалось наиболее справедливое распределение доходов, имели сравнительно одинаковые различия — 43% и 6,3% соответственно.

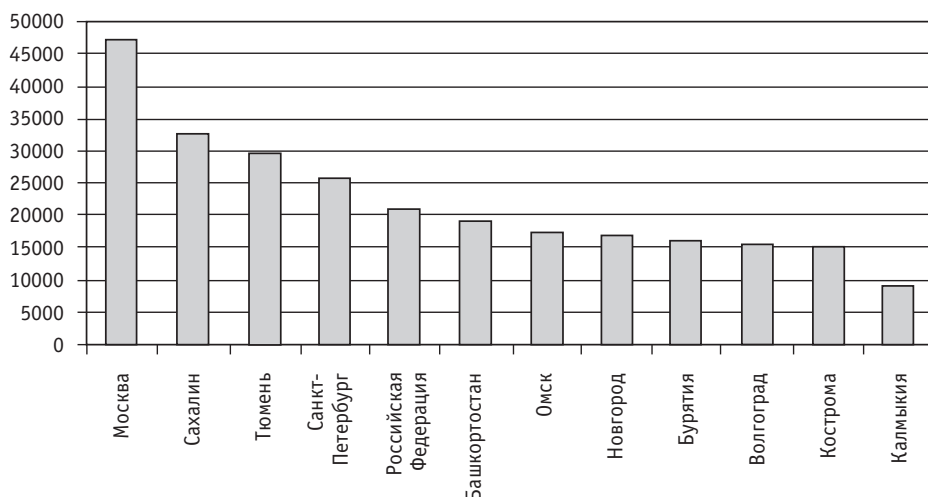

Рис. 2. Средний ежемесячный доход в отдельных регионах РФ, 2011
 Источник: Регионы России, 2012 г. (табл. 5.2) (www.gks.ru).

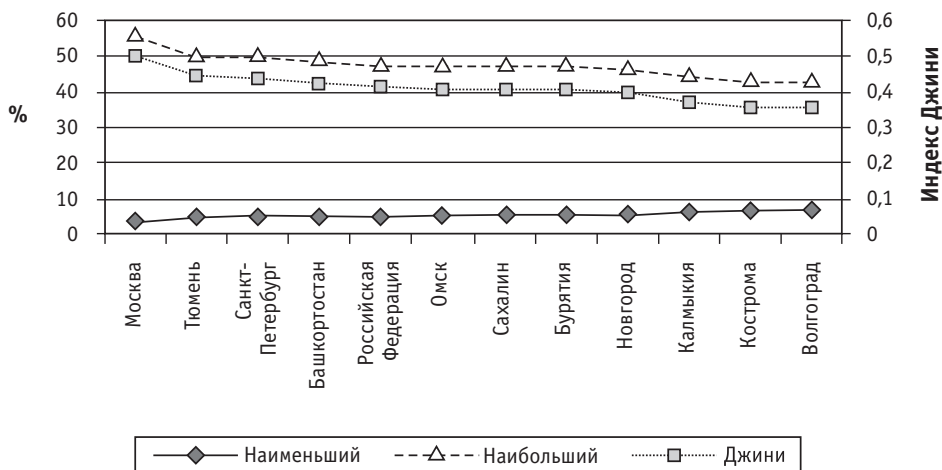

Рис. 3. Доходы верхнего и нижнего квинтилей, коэффициент Джини: Российская Федерация и отдельные регионы, 2011

Источник: Регионы России, 2012 г. (табл. 5.8) (www.gks.ru).

Вывод заключается в том, что существует параллельная поляризация между богатыми и бедными в самых богатых районах и в самых бедных, хотя и в несколько меньших масштабах. Те же экономические принципы дейст-

вуют во всех регионах, независимо от того, в какой мере они экономически обеспечены. Следовательно, различия внутри регионов также социально значимы, как и различия между регионами. Хотя некоторые регионы беднее другие, во всех доходы распределяются аналогично и крайне неравномерно.

Общенациональная и региональная безработица

Эти последствия политических трансформаций отражались в социальной сфере, о чем свидетельствует падение безработицы. Из рисунка 4 видно, что в первые годы трансформации уровень безработицы был чрезвычайно высоким, а после 2000-го постепенно снизился в среднем по Российской Федерации на 6,6%. Это означает отчасти недооценку реального уровня безработицы, но служит полезной информацией для сравнений, поскольку подобные методы сбора данных используются по всей РФ. Как можно заметить при рассмотрении рисунка 4, существуют значительные региональные различия.

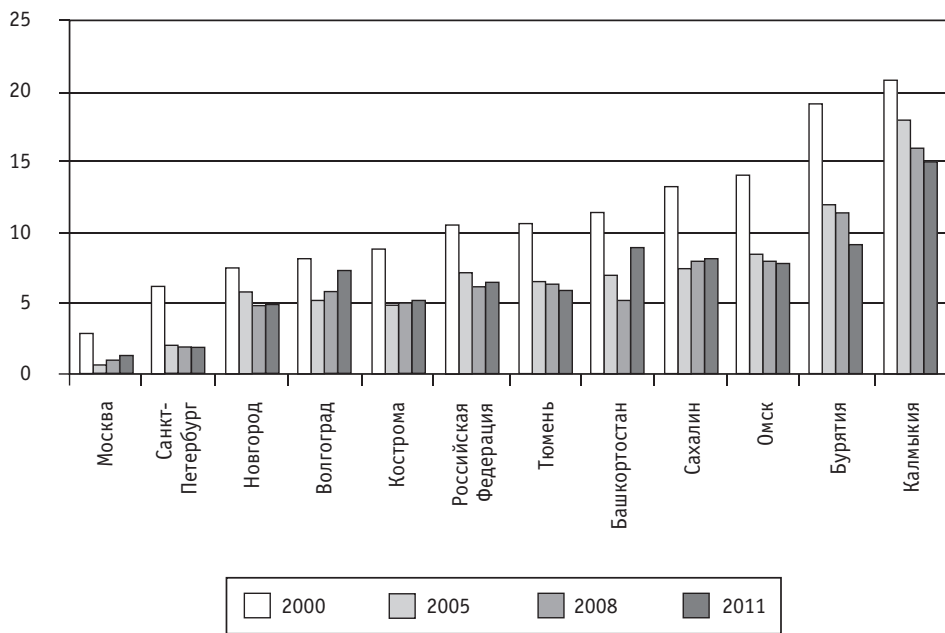

Рис. 4. Безработица в разных регионах РФ, 2000–2011

Источник: Регионы России, 2012 г. (табл. 4.15) (www.gks.ru); Российский статистический ежегодник, 2011 г. (табл. 8.2) (www.gks.ru).

Данные основаны на опросах и других индексах, которые включают оценку для неофициальной (незарегистрированной) занятости. Данные о численности официально зарегистрированных безработных (и тех, кто ищет работу) показывают еще более низкий уровень (www.gks.ru).

В 2010 году к регионам, где насчитывалось не менее 10% безработных, принадлежали Республика Коми (10,3%), Калининград (10,6%), Калмыкия (15%), Дагестан (12,8%), Ингушетия (49,7%), Кабардино-Балкария (12,7%), Карачаево-Черкесия (10,3%), Чечня (43,1%), Марий Эл (10,5%),

Курган (12,2%), Алтай (12,3%), Бурятия (10,4%), Республика Тыва (22%), Забайкальский край (11,4%), Иркутск (10,2%)¹.

Эти цифры наводят на предположение, что социальные потери от преобразований главным образом распределились непропорционально между неевропейскими республиками РФ и областями РФ с высоким количеством нерусских этнических групп. Отметим, что до 2010 года в Центральном федеральном округе вовсе не было регионов с уровнем безработицы 10% и больше, однако в Южном федеральном округе таковых было два, на Северном Кавказе — пять, в Приволжском федеральном округе — один, на Урале — один; в Сибири — пять и ни одного на Дальнем Востоке.

В условиях неолиберального экономического устройства логика этих социальных и региональных неравенств имеет два аспекта. Так, свобода передвижения должна стимулировать работодателей уходить из районов с низким уровнем занятости и низким уровнем дохода в более успешные. С другой стороны, капитал должен быть направлен в районы с дешевой рабочей силой. Важным последствием этого является то, что дислокации, к сожалению, оказываются временными; рынок активизирует компенсационные силы, что ведет к новому, более высокому уровню равновесия. В теории чем больше свободы передвижения рабочей силы и капитала, тем выше тенденция к выравниванию. Существует саморегуляционный рыночный механизм, который и поддерживает равновесие. И если для капитала перемещение невыгодно, это приводит к миграции рабочей силы.

Миграция

Введение рыночной системы привело к значительному миграционному движению в пределах Российской Федерации, а также значительной иммиграции и перемещению россиян в новые независимые государства. Доля иммигрантов Российской Федерации в среднем составляла 13,5% в 2000 году, 8,5% в 2005-м и 10,4% в 2011-м².

Существует четкая региональная дифференциация и некоторые существенные отличия в границах регионов. Российская Федерация в целом зафиксировала чистый показатель иммиграции за весь период около 272 на 100 000 населения. Это объясняется миграционным движением бывших граждан СССР, которые вернулись из новых независимых государств в Российскую Федерацию. Например, в 2000 году 13,5% и в 2011-м 10,4% прибывших мигрировали с территории бывшего Советского Союза, тогда как в те же годы доля иммигрантов из-за границы от общего их количества составляла 6,8% и 1,2% соответственно.

Наивысший показатель “чистой” иммиграции (999) имел Центральный Федеральный округ, включая Москву (свыше 2000) и Московскую область (около 2000), которые по этому показателю опережали любой другой регион (напр., Ленинградская область и Санкт-Петербург — 1584 и 1163 соответственно); южные регионы также имели “чистый” рост (453).

¹ Исследования проведены Федеральной статистической службой. См.: Российский статистический ежегодник. — М.: Госкомстат, 2011 (табл. 8.2).

² См.: Регионы России, 2012. — М.: Госкомстат, 2012 (табл. 3.18). Для Москвы сравнительные показатели составляли соответственно 21,5%, 12,8% и 14,4%.

Регионы наибольшего оттока населения были на Дальнем Востоке с индексом –768 (Магадан –2669, Чукотка –2513), Сибирь имела “чистый” отток –291 (Тыва –1808), Урал имел индекс –73 (Курган –1080). Приволжье, которое включает много национальных республик, имело “чистую” эмиграцию на уровне –35. Этнонациональные меньшинства образуют непропорциональные доли в этом миграционном движении. Однако эти регионы выделяются непрерывным “экспортом” населения.

Теоретики плановой экономики утверждают, что капитал должен перемещаться в регионы с низкой заработной платой, что будет способствовать их развитию и повышению уровня экономической сбалансированности. Таблица 1 показывает регионы, в которых доли иностранных инвестиций в 2005, 2009 и 2010 годах превышали 1%; данные за эти годы агрегированы, чтобы получить обобщенный показатель иностранных инвестиций.

Таблица 1

Сумма акций иностранных инвестиций 2005, 2009, 2010

Регион	Акции иностранных инвестиций
Москва	155,1
Сахалин	19,5
Московская область	16,0
Санкт-Петербург	13,8
Тюмень	10,7
Челябинск	7,6
Татарстан	7,1
Свердловск	5,0
Самара	4,0
Республика Саха	3,8
Ленинградская область	2,8
Красноярск	2,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,0
Республика Коми	1,9

Источник: Российский статистический ежегодник, 2011. – М., 2011 (табл. 23.21).

За исключением некоторых заметных регионов (Сахалинская область, Тюмень, Татарстан, Республика Саха, Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Коми), иностранные инвестиции преимущественно привлекаются в европейские округа Российской Федерации, в частности в Москву, которая в течение большинства лет рассматриваемого периода привлекает около половины совокупного объема иностранных инвестиций. Указанные регионы привлекают инвестиции в освоение природных ресурсов. А вот на оставшиеся 13 регионов приходится примерно 30% инвестиций.

Чтобы проверить, привлекаются ли иностранные инвестиции в регионы с высоким уровнем безработицы и низким уровнем заработной платы, нужно рассмотреть отношения между показателями иностранных инвести-

ций и уровня безработицы. Таблица 2 показывает уровень безработицы в каждом регионе во второй колонке и разницу от среднего по России показателя в третьей по состоянию на 2000 год. Знак плюс означает, что уровень безработицы в регионе был меньше, чем в среднем по Российской Федерации, знак минус указывает на обратное, то есть показатель безработицы был выше, чем в среднем по стране. В колонках 4 и 5 приведены соответствующие данные по состоянию на 2011 год.

Таблица 2

**Изменения в уровне безработицы в регионах
со значительными иностранными инвестициями, 2000, 2011**

Регионы	Уровень безработицы в 2000	Отличие от среднего показателя по РФ	Уровень безработицы в 2011	Отличие от среднего показателя по РФ
Российская Федерация	10,6		6,6	
Москва	3,9	6,7	1,4	5,2
Сахалин	13,2	-2,6	8,2	-1,6
Московская область	7,8	2,8	3,7	2,9
Санкт-Петербург	6,2	4,4	1,9	4,7
Тюмень	10,8	-0,2	5,9	0,7
Челябинск	8,6	2,0	4,4	2,2
Татарстан	8,4	2,2	6,3	0,3
Свердловск	10,0	0,6	8,5	-1,9
Самара	10,2	0,4	5,7	0,9
Республика Саха	11,2	-0,6	8,8	-2,2
Ленинградская область	9,6	1,0	4,4	2,2
Красноярск	12,2	-1,6	6,3	0,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	8,6	2,0	3,7	2,9
Республика Коми	12,0	-1,4	8,5	-1,9

Примечание: Минус означает более высокий, чем в среднем, уровень безработицы.

В 2000 году иностранные инвестиции были направлены преимущественно в регионы с уровнем безработицы ниже среднего. Только 4 региона имели уровни выше среднего (Тюмень, Сахалин, Республика Саха, Красноярск и Республика Коми), и все они богаты природными ресурсами. К началу 2011 года почти ничего не изменилось, и вновь только Сахалин, Свердловск, Саха и Коми по-прежнему выделялись по уровню безработицы.

Критика рыночной политики

Бытует мнение, якобы капитал будет приходить в те регионы, где затраты производства (в частности, трудовые) ниже, и таким образом будет происходить выравнивание капитала. Приведенный выше анализ показывает, что этого не происходит. Наоборот, эти “компенсационные силы” и неравномерные тенденции усиливают друг друга. Внутренние неравенства ско-

рее усиливаются под действием циркуляционных и кумулятивных факторов¹. В сбалансированных экономиках негативные изменения в экономической системе приводят к уравнивающим тенденциям или кардинальным внутренним изменениям. Так, если завод закрывается, а работников увольняют, то в этом случае экономист обычно предполагает, что рабочие будут искать другую работу, а если таковой нет, они либо начнут собственный бизнес, либо перейдут на работу с более низкой заработной платой. То есть привлечение инвестиций должно обеспечить новые рабочие места. Таким образом будет достигаться новое равновесие.

Но в действительности этого не происходит: компенсационные силы не выравнивают условия. Наоборот, система продолжает двигаться в том же направлении. Регионы, страдающие от уменьшения населения, такие как Кострома, Мурманск, Калмыкия, Республика Тыва и Магадан, отличались непрерывным оттоком населения, чего отнюдь не улучшило поступление инвестиций. Социальные процессы носят кумулятивный характер: богатые регионы становятся все более успешными, а бедные — по-прежнему переживают упадок. Это проиллюстрировано выше соотношением между уровнями иностранных инвестиций и безработицы; регионы с высоким уровнем безработицы не привлекают инвестиций. Стимулы для инвестиций там отсутствуют, поскольку безработные имеют низкую платежеспособность, а значит, спрос в розничной торговле низкий. Отсюда следуют важные социальные последствия: нарушается психическое и физическое здоровье безработных, они вязнут в долгах, а их семейная жизнь разрушается. Если существует свободное перемещение рабочей силы, работники перемещаются в другие места, изменяя возрастную и половую структуру в регионах происхождения, что делает другие слои трудоспособного населения менее жизнеспособными.

Экономический спад сопровождается сокращением поступлений налога на доход одновременно с обострением социальных и экономических проблем в депрессивном регионе. В итоге правительству приходится прибегать к мерам “жесткой экономии”. Таким образом, вновь снижается уровень общественного благосостояния и образовательный уровень. Одновременно распространяется бедность, усиливается социальный стресс. Регион становится еще менее привлекательным с точки зрения экономического и социального развития. Рыночно-экономический механизм в бедных регионах ведет ко все большей бедности, а безработица стимулирует эмиграцию для тех, кто в состоянии мигрировать. В этих регионах не наблюдается никаких компенсационных движений капитала и, как следствие, — экономического и социального развития.

Для преодоления негативной нисходящей тенденции необходимо государственное вмешательство на основе политических инициатив, направленных на то, чтобы изменить ситуацию: государственные инвестиции в поддержку частной инициативы, профессиональной подготовки; определенную роль должны играть также различные благотворительные проекты.

¹ Тут я придерживаюсь логики исследования: *Wicksele K., Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions.* — London: Duckworth, 1957. Вискель справедливо указывает на самодостаточность процесса инфляции, что особенно касается постсоциалистических экономических систем в первые годы преобразований.

В любом случае подобные меры могут касаться лишь ограниченных аспектов проблемы безработицы, тогда как ее последствия имеют структурный характер и остаются непреодоленными. С точки зрения экономической доктрины, частный сектор, а не государство, должен стимулировать рынок. Государственное вмешательство не является экономическим следствием рынка; речь идет об административно введенной программе по борьбе с нисходящей тенденцией, порожденной рынком. Неолиберальная перспектива рассматривает такое вмешательство как контрпродуктивное препятствие для рыночного механизма. Бедность не имеет компенсационного предохранителя: это ведет к низкому состоянию здоровья и низкой производительности. Поэтому бедные районы крайне редко привлекают к себе инвестиции. Динамика свободного рынка порождает еще большее неравенство. Свободное перемещение людей, товаров, услуг и капитала не ведет к выравниванию ситуации, а лишь продолжает тенденцию в том же направлении. Другая сторона парадигмы циркуляционной динамики состоит в том, что богатые регионы становятся еще богаче: они привлекают дополнительные инвестиции, имеющие мультипликационный эффект. Инвестиции ведут к занятости и более высокому уровню затрат, привлечение мигрантов и их семей увеличивает миграцию в престижные регионы. Это стимулирует домохозяйства и розничную торговлю. Доходы растут. Структура населения изменяется в сторону молодых и активных, меньше нуждающихся в государственной помощи. Это расширяет выгоды и предоставляет больше свободы. Политические движения в богатых районах, способных платить налоги на содержание бедных, оспаривают подобное перераспределение. Согласно этому сценарию такие города, как Москва, становятся центрами демонстраций в поддержку неолиберальной реформы — сокращения государственных расходов и снижения налогов. Трудовая миграция из неразвитых в развитые страны оставляет старых и бедных в первых. Работникам возмещают социальные затраты на переселение. Богатые районы оказываются магнитом и привлекают квалифицированную рабочую силу. Капитал движется в богатые регионы, поскольку там имеется больший спрос, и они являются экономически и политически более безопасными. В итоге свободное передвижение рабочей силы, капитала и услуг не приводит к выравниванию условий. Регионы, обеспечиваемые внутренней экономикой, подкрепляются ростом прибылей и привлекают банковские кредиты и инвестиции, а значит, продолжают расти и процветать. Тогда как менее благополучные местности пребывают в застое.

Что касается развития, то выгодными инвестициями являются идущие от эксплуатации природных ресурсов и продажи потребительских товаров и услуг (дорогие машины, кухонная техника, мобильные телефоны, кафе и дорогие рестораны). Расходование экономической ренты со стороны богатых воплощается в демонстративном потреблении и строительстве торговых центров, движущей силой чего является культура потребления. Негативным следствием этого оказывается то, что социальными потребностями (образованием, медициной, социальной работой) пренебрегают. Кроме того, частные капиталы, которые могут быть использованы для внутренних инвестиций, бегут из богатых регионов (таких, как Москва или Сахалин) во внешние экономические ниши, где этот процесс воспроизводится. За границей богатые общины искажают рынок жилья в регионах проживания (на-

пример, в Лондоне), искажая иностранные рынки; безгранично щедрые инвестиции в футбольной индустрии со стороны иностранных олигархов (например, покупка “Челси”) создают недобросовестную конкуренцию и образуют элиту супербогатых спортивных компаний. Циркуляционная причинность в глобальном масштабе укрепляет порочный круг власти, богатства и успеха одних в ущерб другим¹.

Выводы

Выводы этой работы состоят в том, что подходы плановой экономической политики в итоге приводят ко все большему региональному и социальному неравенству. Эффект циркуляционно-кумулятивных факторов, а не действия реагирования и корректировки ситуации — вот что лежит в основе развития и недоразвития. Посткоммунистические реформаторы либо отбросили эти аргументы, либо вовсе не подозревали о них и выступали за политику свободного рынка, в определенной мере опосредуемого участием государства. Неолиберальная экономическая теория является идеологией, которая легитимирует политическую власть, защищает те интересы, которые выиграют от функционирования рынка. Участие государства может изменить результаты политики в условиях рынка, но этим отнюдь не отменяется необратимое действие экономических инструментов частной корпоративной собственности, которые работают через рынок, контролируют распределение ресурсов и имеют экономическую власть; повсеместная идеология рынка потребительского капитализма является также формой политической власти, что приводит к делегитимации государственного регулирования. Альтернативная идеология (больше государственного регулирования посредством деприватизации, институт национального планирования на основе таких приоритетов, как социальное и региональное равенство) является важным условием для продвижения различных политических сил, направленных на преодоление текущей тенденции к региональной поляризации. Только переосмысление идеологически “само собой разумеющихся” предположений¹ способно подорвать идеи посткейнсианского социализма или другого национально организованного капитализма. Необходимо реабилитировать неолиберальную модель конкуренции и свободного рынка.

Перевод с английского Александра Соцкого

¹ Arthur Lewis W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // Manchester School of Economic and Social Studies. — 1954. — Vol. 22, May. — P. 139–191.